

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

УДК 330.1

Г. В. Черкасская

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

В качестве предварительных замечаний по данной теме следует отметить, что в нашей стране качественный скачок в изучении систем произошел в 60–70-е годы прошлого века, когда широкое распространение получили термины «системотехника», «системные исследования», «системный подход», «системология», «кибернетика» и т. п. [1–4], повсеместно был признан системный анализ, используемый в теории управления для принятия решений с помощью методов и моделей теории систем, а для ряда современных специальностей наряду с программными дисциплинами стали преподаваться спецкурсы «Теория систем», «Системный анализ», «Системология» и т. п. Специалисты отмечают, что «системный подход» как термин активно использовался в первые годы становления теории систем в двух аспектах (как методологическое направление философии и как синоним понятия «комплексный подход»), однако во втором случае «многие работы только постулировали необходимость комплексности, многоаспектного рассмотрения проблемы, что в принципе уже было полезно, однако в этих работах не предлагались конкретные методы и методики, помогающие реализовать такой подход» [5, с. 443]. Общими вопросами теории систем (концептуальные основы, терминологический аппарат, закономерности функционирования и развития сложных систем, постановка проблем для дальнейших общенаучных исследований) в нашей стране первоначально занимались философы, которые и предложили несколько ее вариантов [6–12], однако сегодня, как и ранее, наиболее разработанными (условно) в ней являются вопросы управления наиболее «простыми» системами — техническими и социотехническими. В этой связи авторы специального словаря «Системный анализ и принятие решений» отмечают, что «обобщающие научные направления, занимающиеся исследованием сложных систем и носящие разные наименования, исторически иногда возникали параллельно, на разной прикладной и теоретической основе. В то же время они используют понятия, характеризующие строение, функционирование, развитие сложных систем, трактуя их неоднозначно»

Галина Викторовна ЧЕРКАССКАЯ — канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления ЛГУ им. А. С. Пушкина. В 1993 г. окончила Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию, в настоящее время является докторантом кафедры управления и планирования социально-экономических процессов СПбГУ. Научные интересы — управление социально-экономическими системами и процессами, социальная защита, социальные конфликты. Автор свыше 60 публикаций.

[5, с. 3], поэтому до сих пор нельзя считать полностью устоявшимися как методологию, так и терминологию в указанной научной сфере. На наш взгляд, практические наработки даже по социотехническим системам весьма ограничено могут использоваться в экономической науке¹, однако общетеоретические положения, методологии, некоторые методы и сформированный понятийный аппарат общей теории систем могут и должны активно использоваться и экономистами. В этой связи следует отметить, что, хотя на практике сложные экономические и социально-экономические системы не рассматриваются экономистами как самостоятельный предмет исследования, в то же время современные учебники по экономике вообще *весь современный мир* рассматривают как состоящий из *экономических систем* различных типов, а саму экономическую систему в целом понимают как «совокупность всех экономических процессов, совершающихся в обществе на основе сложившихся в нем отношений собственности и хозяйственного механизма...» [13, с. 38]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что современными экономистами, как и их предшественниками, используется именно системный подход в отношении предмета экономической науки.

В теории социальной защиты исследователями также активно применяется или достаточно часто заявляется применение системного подхода в отношении как собственно предмета исследования, так и методологии исследований. В первом случае предлагается рассмотрение именно *систем* социальной защиты как в общем смысле (*государственная система* социальной защиты), так и более конкретно (система социальной защиты детства, инвалидов, трудозанятых, высвобождаемых и т. д. [14–18]). Во втором случае имеется в виду *комплексное*, или *всестороннее* (которое понимается исследователями как *системное*), рассмотрение и анализ предмета исследования. Общий анализ совокупности определений социальной защиты [19; 20] позволяет сделать вывод о преобладании системных взглядов российских исследователей в отношении социальной защиты, поскольку уже изначально, при определении сущности или содержания, исследователи рассматривают социальную защиту именно как систему (каких-то мер и т. п.), хотя нельзя не заметить, что их представления не только о сущности, но и о структуре социальной защиты весьма разнообразны.

Говоря непосредственно о *системе* социальной защиты, исследователи могут выделять в ней следующие структурные элементы: объекты и субъекты (защиты, отношений и др.), гарантии, виды, направления, формы, механизмы, институты, уровни, функции, принципы, нормы, меры, организационные и управленческие подходы, инфраструктуру, основания, условия, критерии, финансовые источники, правовое закрепление, риски, программы, показатели и т. п. Достаточно часто за точку отсчета может приниматься модель национальной системы социальной защиты населения, разработанная НИИ труда, которая включает в себя следующие основные составляющие: организационно-правовые формы, виды, принципы, критерии, условия предоставления, объекты и источники финансирования [21, с. 19]. При этом некоторые исследователи «зачастую по-разному понимают содержание перечисленных составляющих, не учитывают, что одни элементы включают в себя другие» [20, с. 152].

Так, А. М. Бабич и другие авторы, не давая в целом понятия системы социальной защиты, рассматривают тем не менее ее этапы (уровни), соответствующие преобладающей форме социальной защиты (социальное вспомоществование, церковная (конфессиональная) помощь бедным и т. д., вплоть до государственных социальных гарантий), и основные элементы: традиционную форму государственного вспомоществования (социальной помощи); совокупность государственных социальных гарантий, включая

социальные льготы отдельным категориям населения (категориальные социальные услуги), социальное страхование (добровольно-корпоративное и обязательное, государственное), каждое из которых также может рассматриваться как отдельная система [22, с. 6–8]. Н. А. Горелов и другие авторы представляют социальную защиту как систему (социальной защиты) «в качестве целостного образования, состоящего из совокупных компонентов (частей), взаимодействующих и взаимосвязанных не только друг с другом, но и с внешней средой, включая в нее определенные подсистемы (субъекты социальной защиты; формы и виды социальной защиты граждан; механизмы социальной защиты населения; органы социальной защиты населения; программы социальной защиты населения), кроме того, указанная система предполагает целый комплекс общественных отношений, складывающихся в сфере социальной защиты... особое место в системе социальной защиты занимают люди, непосредственно участвующие в отношениях по поводу социальной защиты населения» [23, с. 289–290]. Оба вышеприведенных источника, как видим, во-первых, описывают как единственные только *национальные* системы социальной защиты индустриального государства и, во-вторых, отражают достаточно распространенный в отечественной учебной литературе *инструментальный*² подход, поскольку реально существующие в переходной экономике законодательно определенные нормы и институты социальной защиты достаточно сложно вписать в единую теорию.

С. В. Кадомцева, ориентируясь на зарубежные источники, считает, что «термин “социальное обеспечение”, или “социальная защита”, относится к программам, организуемым правительством на основании установления факта, что индивид на время или окончательно потерял способность получать доход и для выполнения специальных расходов, связанных с женитьбой, рождением, смертью» [24, с. 58], а сама система социальной защиты «состоит в основном из прав» [24, с. 153]. На наш взгляд, подобное представление о системе социальной защиты наиболее наглядно отражает присущее такой системе основное, но не осознаваемое многими, социальное противоречие (между правами объектов на защиту и возможностями субъектов защиты), в то же время попытка перенести переводную терминологию в качестве общей теории на российскую почву в условиях переходной экономики не привела автора к таким же хорошим результатам, которые были получены при рассмотрении вопросов регулирования бедности в этих же условиях.

П. С. Тарасов, рассматривая в главе «Социальная защита населения как система» сущность, объективную необходимость и факторы социальной защиты, определения собственно *системы* [соцзащиты] не дает, хотя и предлагает не рассматривать социальную защиту как «абстрактно-благотворительную деятельность, призванную обеспечить реализацию определенных нравственных законов», и утверждает, что «социальная защита всегда объективно ограничена, с одной стороны, системой производственных отношений, в которой она функционирует, а с другой стороны, требованиями современного состояния мировой экономики и человеческого сообщества в целом». Характерно, что, по его мнению, «социальная защита населения должна осуществляться как *самозащита* при помощи государственных органов, гарантирующих решение (ряда) задач» [25, с. 47–49]. Не касаясь явной теоретической недосказанности в отношении ключевой дефиниции, хотя и соглашаясь с одним из ограничений, следует заметить, что система производственных отношений не может являться надсистемой для системы социальной защиты, поскольку общественные отношения по данному поводу шире производственных, хотя, действительно, последние по экономической логике первичны в принципе.

Л. П. Якушев [26] изначально рассматривает институт социальной защиты как целевую комплексную *систему*, сформированную обществом в его историческом развитии для

решения многочисленных и взаимосвязанных социальных и экономических проблем, обусловленных необходимостью поддержки обществом пожилых граждан, инвалидов, больных, безработных, семей, потерявших кормильца, и семей с детьми, т. е. синонимизирует термины «институт социальной защиты» и «система социальной защиты», что вполне оправданно с позиций заявленного им институционального подхода, хотя и только для традиционных для индустриального общества категорий населения.

Е. Ш. Гонтмахер, рассматривая концептуальные основы социальной защиты, в том числе ее теоретические и методологические основы, утверждает, что социальная защита представляет собой *один из видов социального обеспечения* [27, с.182], хотя и весьма значимый, а «система социальной *поддержки, или защиты* (курсив наш. — Ч. Г.), населения, основу которой составляют всеобщие социальные трансферты, субсидии на товары и услуги, а также категориальные льготы, принципиально неспособна решать задачу перераспределения ресурсов в пользу наиболее нуждающихся домохозяйств», и считает, что в условиях недофинансирования социальных программ такая проблема приобретает и политическую остроту [27, с. 172]. Активное участие автора в реформировании социальной сферы нашей страны в постперестроечный период в определенной степени оправдывает применяемый им сугубо инструментальный подход и требование присоединения к международным нормам соцобеспечения, однако все же не дает нам необходимой теоретико-методологической основы исследования системной социальной защиты.

С. Ю. Янова [28] считает, что социальная защита по своей сути — уже *система* управления социальными рисками с целью поддержания устанавливаемых социальных стандартов жизни для каждого человека. В свете нашего понимания сущности социальной защиты данное определение, на наш взгляд, охватывает еще более глобальные процессы, чем это рассматривает сама автор, ведь управление социальными рисками, учитывая природу и характеристики последних, формирует, наряду с управлением природными и космическими рисками, общие механизмы защиты человечества, целью функционирования которых является обеспечение *социальной безопасности человечества в глобальном смысле*, а не только некоторых индивидов или категорий населения в определенный исторический момент, как в случае социальной защиты.

Е. А. Морозова на основе масштабного обзора различных точек зрения предлагает свое оригинальное видение как сущности и системных характеристик социальной защиты, замечая одновременно, что «полностью описать систему социальной защиты практически невозможно из-за ее многоплановости, сложности, наличия большого числа взаимосвязанных элементов, каждый из которых, в свою очередь, тоже представляет собой систему». «В целом система социальной защиты, — пишет она, — это совокупность разнообразных элементов (идеологических, материальных, экономических, организационно-управленческих и других), взаимосвязанных между собой и тем или иным образом участвующих в процессе обеспечения членов общества определенным минимумом социальных благ, сглаживании социального неравенства ... основные компоненты, составляющие систему социальной защиты — саму социальную защиту, ее субъекты, объекты, механизмы, показатели. При этом в системе социальной защиты целесообразно выделять три взаимопроникающих уровня: теоретико-методологический, методический и практический... Цель социальной защиты ... сглаживание социального неравенства, обеспечение граждан определенным набором социальных благ... К обязательным элементам системы социальной защиты населения относятся объекты и субъекты. Объектом социальной защиты являются люди, ради которых она осуществляется, которых обеспечивает минимумом социальных благ, сглаживая социальное неравенство; субъектом — институты,

организующие, осуществляющие и контролирующие процесс социальной защиты... Среди объектов целесообразно различать общественный, групповой и индивидуальный уровни. В некоторых случаях субъекты социальной защиты одновременно являются и объектами, образуя определенные области социальной защиты» [20, с. 152]. В целом, применительно к данной работе, можно отметить наличие определенной логики, связанной с авторской особенностью видения сущности социальной защиты (ликвидация социального неравенства), и обусловленные этой логикой противоречия, например, в целях социальной защиты (как *подсистемы* — социальная гармония) и целях социальной политики (как *надсистемы* — тоже социальная гармония) [20, с. 84]. Кроме того, ликвидация социального неравенства как цель государственного управления достаточно типична именно для развитого индустриального общества, хотя и не отражает всего многообразия мер социальной защиты. Здесь, на наш взгляд, показательна попытка автора определить основной компонент системы социальной защиты: «Центральное место в системе социальной защиты принадлежит *самой социальной защите*» (курсив наш. — Ч. Г.). При этом следует отличать систему социальной защиты и социальную защиту и одновременно понимать их логическую взаимосвязь. Социальная защита имеет достаточно сложную структуру и должна рассматриваться как система. Поэтому речь идет о различии, с одной стороны, системы социальной защиты, а с другой, социальной защиты как ее подсистемы» [20, с. 223–224]. Безусловно, «социальная защита» и «система социальной защиты» — разные научные понятия, однако в предлагаемой автором схеме *элементом* системы социальной защиты может быть только социальная защита как особая социально-экономическая *деятельность*, составляющая содержание механизмов социальной защиты, хотя это, на наш взгляд, и не совсем корректно. Можно предположить, что Морозова имела в виду именно это, хотя и не рассматривала в своей работе социальную защиту как деятельность.

Таким образом, в отношении теории и практики системного рассмотрения социальной защиты можно сделать вывод о том, что с теоретико-методологических позиций системы социальной защиты в российской науке исследуются недостаточно полно, поскольку:

1) собственное понимание сущности социальной защиты определяет как сами системные характеристики социальной защиты, выделяемые конкретным исследователем, так и их противоречивость;

2) большинство исследователей игнорируют продолжительные историко-эволюционные проявления социальной защиты как социокультурного и социально-экономического феномена в доиндустриальных обществах, рассматривая системную социальную защиту только в рамках существующего индустриального общества;

3) исследователи неполно используют теоретико-методологические возможности системологии (системного анализа) применительно к своему предмету исследования;

4) большинство исследователей изначально ориентируются скорее на практические виды, формы, нормативные и законодательные акты по организации социальной защиты в нашей стране, чем на поиск общетеоретических положений и закономерностей.

В этой связи следует сделать несколько замечаний.

С одной стороны, исходя из общих законов диалектики, понятно, что любое явление, процесс и феномен для целей научного анализа можно рассматривать как систему, состоящую из подсистем, одновременно являющуюся подсистемой системы следующего уровня (порядка, ранга). Таким образом, в целях научного анализа в рамках общественных наук, в том числе экономики и управления, вполне правомерно предметно рассматривать любую совокупность объектов, субъектов и взаимоотношений между ними в социальной сфере именно как некую социальную (социально-экономическую и т. п.) систему. С другой

стороны, с точки зрения классической общей теории систем совокупность неких элементов можно считать системой строго в том случае, если данная совокупность имеет некие системные свойства (эмерджентность и т. д.), которые, собственно, и делают совокупность элементов системой в строгом смысле этого слова. Соответственно, любая совокупность неких элементов не может быть признана собственно системой до того момента, пока она не проявит полностью свои системные качества.

Справедливо ли последнее утверждение по отношению к социально-экономическим системам, к которым мы относим системы социальной защиты и которые являются порождением исключительно человеческого общества? Если «свойство системности является естественным свойством природы» и «окружающий нас мир есть бесконечная система систем», то «системно и все человеческое общество в целом. Системность человеческого общества выражается опять же во взаимосвязи развития отдельных структур (национальных, государственных, религиозных образований) и их взаимном влиянии друг на друга... уровень системности человеческого общества постоянно увеличивается... системность необходимо ... рассматривать в историческом аспекте» [29, с. 11]. Тогда действительно все социальные системы, в том числе и социально-экономические, можно рассматривать как безусловно самоорганизующиеся, т. е. такие, которые в определенный момент времени находятся на той или иной стадии своего развития (организации) и которые вследствие этого могут иметь или не иметь *явно выраженные для наблюдателя* системные признаки, что, собственно, и усложняет научный анализ, как это видно на примере анализа систем социальной защиты.

В этой связи мы считаем необходимым восполнить обозначенные пробелы в российской теории социальной защиты, исходя из собственного понимания социальной защиты как социально-экономического и социокультурного феномена.

Под социальной защитой (сз) в категориальном плане мы понимаем совокупность отношений, складывающихся в обществе по поводу производства, распределения и перераспределения общественного продукта в целях обеспечения адекватной социальной адаптации и интеграции индивидов, неспособных самостоятельно справиться с воздействием социальных рисков, и считаем, что такие отношения имманентны любому человеческому обществу вне зависимости от конкретики исторического периода его существования. Как нам представляется, исследователи в области социальной защиты испытывают определенные сложности не только в своих попытках системного ее рассмотрения, но и в попытках ее систематизации, потому что игнорируют существенное противоречие, лежащее в основе всех системных процессов социальной защиты, а именно — противоречие между конечной конкретно-личностной направленностью мер социальной защиты и поуровнево усложняемым общественным (обезличенным) характером организации этих мер. В этой связи, осуществляя систематизацию социальной защиты, по критерию организованности в рамках общества мы выделили три типа социальной защиты: неорганизованную (осуществляемую по желанию), организованную (осуществляемую по договору) и системную (осуществляемую по закону). Поскольку общая теория систем делает возможным выделение простых и сложных систем, мы также считаем возможным рассматривать системы социальной защиты (ссз) подобным образом — начиная с простейшей с постепенным усложнением.

Исходя из нашей концепции эволюции социальной защиты, простейшей системой социальной защиты можно считать систему, в которой и субъект, и объект защиты являются индивидами. Число структурных элементов в такой системе равно двум, связи между ними являются противоположно направленными, субъект защиты, соответственно, осуществляет

и общие управленческие функции в отношении как объекта защиты, так и самой ссз, поскольку она возникает (образуется, организуется) и функционирует *исключительно по воле субъекта*. По существу, такая система является элементарной и может рассматриваться как первичный элемент любой ссз более высокого уровня. Примером такой системы является пара «родитель — ребенок с родовой травмой». В связи с тем, что риск родовой травмы носит в человеческом обществе исключительно социальную природу (условия родов, достаточность знаний при родовспоможении, профессиональность оказываемой роженице помощи и т. д.), таким образом, вся деятельность родителя (как субъекта сз) по компенсации последствий травмы направлена, по существу, на восстановление тех природных свойств и качеств новорожденного, которые обеспечивали бы необходимую социальную адаптацию и последующую адекватную интеграцию в социум ребенка (как объекта сз). Комплекс таких действий и мер включает в себя использование как материальных, так и нематериальных общественных и частных ресурсов, имеет определенный общественный резонанс (одобрение/осуждение) и носит, соответственно, социально-экономический характер.

Указанные элементарные (парные) системы могут присутствовать в любом как исчезнувшем, так и современном обществе. Элементарные системы социальной защиты являются временными, или ограниченными по времени, поскольку обычно создаются по воле и желанию субъекта защиты, и неизбежно распадаются в случаях: достижения цели, физической кончины субъекта или объекта, нехватки необходимых ресурсов, в том числе воли или желания субъекта или объекта. При отсутствии в обществе групповой или организованной социальной защиты такие элементарные системы всегда персонифицированы (конкретный субъект оказывает защиту выбранному объекту, в том числе в рамках одной семьи), и период времени их существования не является настолько значимым с точки зрения общества, чтобы наблюдателю можно было бы объединить их в систему более высокого уровня. В то же время практика организованной социальной работы как вида социальной защиты в целях обеспечения максимальной эффективности также предусматривает создание таких систем в составе «социальный работник — клиент»³ как элементов общей системы социальной работы. Интересно, что наличие у одного социального работника некоторого числа клиентов одновременно может не оказывать, в случае достаточности ресурсов, существенного влияния на эффективность функционирования каждой из элементарных систем, поскольку клиенты не соприкасаются друг с другом (принцип «ромашка»). В этом случае персонификация социального работника не является необходимым условием оказания социальной защиты, поскольку конкретным субъектом ее оказания выступает уже *организация* социальной защиты, нанимающая конкретного работника для выполнения определенной работы и готовая при необходимости заменить его другим работником в каждой элементарной системе социальной защиты. Таким образом, первичным критерием дифференциации систем социальной защиты в целях структурного анализа можно считать критерий иерархической организованности (организации), согласно которому часть элементарных систем социальной защиты конкретного общества входит в систему социальной защиты более высокого порядка, а оставшаяся часть — нет. Соответственно, можно говорить об организованной и неорганизованной социальной защите в определенном обществе.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем достаточно правомерным говорить о социальной защите в целом как социально-экономическом и социально-культурном феномене, не выделяя ее системность в рамках общества *a priori*, однако предполагая возникновение в ней системных признаков и превращение ее в строгую социально-экономическую

систему как часть конкретного исторического социума при возникновении и соблюдении ряда условий, а именно: наличие в течение значимого периода времени общественно признанных норм социальной защиты; воля и участие субъекта власти данного общества в организации социальной защиты; определенное количество свободных ресурсов (материальных, трудовых, иных), необходимых для оказания социальной защиты в установленных рамках, и др.

Как отмечается многими исследователями, современные системы социальной защиты (ссз) в развитых странах являются весьма сложными социально-экономическими объектами, поэтому первоначально нам следует выделить основные системообразующие характеристики таких систем, в том числе их отличительные (от других социально-экономических систем) особенности, абстрагировавшись от существующего фактического многообразия (форм, видов, способов и т. п. социальной защиты) и сводя его к сути социальной защиты как социально-экономического явления, выраженной в терминах и представлениях общей теории систем. По существу, некоторые характеристики систем социальной защиты, а именно — наличие субъекта и субъекта деятельности, их взаимодействие с определенной целью, использование определенных ресурсов для достижения данной цели — могут принадлежать любой социально-экономической системе, поэтому отличительными чертами или особенностями именно *систем социальной защиты* могут считаться: *состояние объекта* социальной защиты, характеризуемого не только нарушением нормального уровня его социальной адаптации и интеграции в социум, но и отсутствием необходимых личностных ресурсов для его восстановления; *объективность причин* нарушения (вследствие не зависящего от индивида воздействия социальных рисков); *цель* совместной деятельности субъекта и объекта сз (восстановление нормального уровня социальной адаптации и интеграции в социум объекта).

Данные отличительные черты могут рассматриваться как необходимые и достаточные, позволяющие не только отличить конкретную систему социальной защиты от любой другой похожей на нее социально-экономической системы, в том числе семьи, но и в целом установить границы системы социальной защиты внутри так называемой системы жизнеобеспечения, частью которой она является. Границы системы социальной защиты могут изменяться по различным основаниям в соответствии с тем, о системе какого уровня идет речь. На микроуровне — элементарных ссз — границы ссз физически не изменяются, поскольку при смене персоналий субъекта и/или объекта возникает уже другая элементарная ссз. Однако здесь можно говорить об изменении других, не физических, границ ссз — границ ответственности, границ видов и форм защиты и т. п. На макроуровне границы национальной системы социальной защиты не определяются персональным составом субъектов и объектов сз, который постоянно обновляется, однако могут изменяться как произвольно, под влиянием единовременных факторов, так и в соответствии с циклическим развитием организованных ссз: постепенно объективно расширяясь, вырабатывая все новые виды и формы социальной защиты, ссз периодически (по разным циклам) одномоментно и скачкообразно уменьшается, поскольку, во-первых, обычно в условиях снижения общего объема ресурсов (экономические кризисы) снижаются объем и доступность ресурсов для оказания социальной защиты, во-вторых, сама ссз может отторгать от себя определенные подсистемы, ставшие привычным стандартом жизни для нескольких поколений (например, бесплатное здравоохранение, образование или пенсии по старости), расширяя тем самым уже стандарты своей надсистемы — системы жизнеобеспечения.

Исходя из нашего понимания сущности социальной защиты, основную *функцию* сложных систем социальной защиты можно сформулировать как упорядочение и организация

эффективной совместной деятельности субъектов и объектов социальной защиты по восстановлению необходимого и достаточного уровня социальной адаптации и интеграции в социум объектов (сз) без вреда или ущерба для остальных членов социума. Основным *результатом* функционирования систем социальной защиты должен являться прирост или сохранение человеческого и социального капитала конкретного социума. Поскольку традиционным является рассмотрение нескольких уровней социальной защиты, то и в системах социальной защиты предлагаем аналогичный подход, в данном случае также можно использовать уже привычную всем градацию на мега-, макро-, мезо- и микроуровни. Таким образом, система социальной защиты на уровне нации (национальная ссз) будет объединять как организованные, так и неорганизованные элементарные и более сложные системы социальной защиты на нескольких (по крайней мере, трех-четырёх) уровнях, что значительно усложняет общее управление в данной области. Говорить об организации собственно национальной системы социальной защиты можно только тогда, когда путем договоренности социально значимых субъектов и/или изъявления воли обладающего необходимой властью лица или органа (власти) возникает признаваемая соответствующим обществом норма (закон), определяющая субъект, объект, порядок их взаимодействия и необходимые ресурсы для оказания социальной защиты в течение достаточно длительного (исторически значимого) периода времени. Тогда организованные элементарные системы будут являться частью организованной системы социальной защиты более высшего порядка или уровня, а изначально неорганизованные при определенных условиях (нахождения в правовом поле и т. п.) будут выступать элементом национальной системы социальной защиты. В то же время, повторимся, не всякие совокупности элементарных ссз могут образовывать единую сложную систему социальной защиты на национальном уровне, т. е. именно в данном случае социальная защита приобретает общественно значимый системный характер только при условии участия в ней субъекта, обладающего легитимной властью наибольшей степени (государства и др.), не только объединяющего элементы системы, но и формирующего правила и отношения в ней.

¹ Еще Акофф указывал на условность применения математических методов и моделирования в практическом менеджменте, поскольку создать модель, абсолютно соответствующую реальности, невозможно — какие-либо факторы обязательно не будут учтены, следовательно, результаты не будут отражать истинного положения дел [30].

² Без излишней теоретизации.

³ И медицинская, и функциональная модели социальной работы предусматривают индивидуальную работу с клиентом как основу диагностирования проблемы и управления изменениями в жизни клиента.

1. Темников Ф. Е. Высокоорганизованные системы // Большие системы: теория, методология, моделирование. М., Наука, 1971.

2. Кулик В. Т. Современная теория организации систем — системология. Киев: Знание, 1971.

3. Флейшман Б. С. Основы системологии. М.: Радио и связь, 1982.

4. Дружинин В. В., Копторов Д. С. Проблемы системологии: Проблемы теории сложных систем. М.: Радио и связь, 1976.

5. Системный анализ и принятие решений: Словарь-справочник: учебное пособие для вузов / Под ред. В. Н. Волковой, В. Н. Козлова. М.: Высшая школа, 2004.

6. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997.

7. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1972.

8. Урманцев Ю. А. Опыт аксиологического построения общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник, 1971. М.: Наука, 1972. С. 128–152.

9. Урманцев Ю. А. Эволюционика, или Общая теория развития систем природы, общества и мышления: 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

10. Тюхтин В. С. Отражение, система, кибернетика: теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. М.: Наука, 1972.
11. Система, симметрия, гармония / Под ред. В. С. Тюхтина, Ю. А. Урманцева. М.: Мысль, 1988.
12. Садовский В. Н. Основания общей теории систем: логико-методологический анализ. М.: Наука, 1974.
13. Экономика: учебник: 3-е изд. / Под ред. А. С. Булатова. М.: Юрист, 2002.
14. Рыбинский Е. М. Управление системой социальной защиты детства: социально-правовые проблемы: учебное пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
15. Зубкова Т. С., Тимошина Н. В. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей, семьи: учебное пособие: 2-е изд. М.: Издательский центр «Академия», 2004.
16. Варьевдин В. А., Клемантович И. П. Управление системой социальной защиты детства: социально-правовые проблемы: учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2005.
17. Дубровский В. Н. Становление системы социальной защиты трудозанятого населения: дис. ... канд. экон. наук. М., 2004.
18. Миргородская Е. Е. Социальная защита высвобождаемых работников в условиях рыночных отношений: дис. ... канд. экон. наук. М.: РГБ, 2000.
19. Черкасская Г. В. Социальная защита: междисциплинарный подход к определению // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Серия 5: Экономика. 2008. Вып. 2. С. 25–33.
20. Морозова Е. А. Социальная защита населения: системный подход к анализу и управлению: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2006.
21. Человек и труд. 1998. № 7.
22. Бабич А. М., Егоров Е. Н., Жильцов Е. Н. Экономика социального страхования: курс лекций. М.: ТЕИС, 1998.
23. Политика доходов и качество жизни населения / Под ред. Н. А. Горелова. СПб.: Питер, 2003.
24. Кадомцева С. В. Экономические основы социальной защиты: дис. ... д-ра экон. наук. М., 1997.
25. Тарасов П. С. Социальная защита населения: теория, опыт, направление развития: дис. ... д-ра экон. наук. Саратов, 1999.
26. Якушев Л. П. Экономические основы формирования многоукладной системы социальной защиты в России: дис. ... д-ра экон. наук. М.: 2000.
27. Гонтмахер Е. Ш. Экономические основы социальной политики в условиях реформ: вопросы методологии, теории и практики: дис. ... д-ра экон. наук. М.: РГБ, 2000. .
28. Янова С. Ю. Социальное страхование в системе социальной защиты населения: организация и финансовый механизм: дис. ... д-ра экон. наук. М.: РГБ, 2002.
29. Антонов А. В. Системный анализ: учебник для вузов: 3-е изд. М.: Высшая школа, 2008.
30. Акофф Р. Акофф о менеджменте / Пер. с англ. Под ред. Л. А. Волковой. СПб.: Питер, 2002.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2010 г.